

Осознанность

Руководитель Центра социального проектирования «Платформа» Алексей Фирсов ведет работу над своей книгой «Тавро и хлыст», посвященную различным формам контроля за массовым сознанием. «Актуальные комментарии» продолжают серию публикаций автора с выдержками из этой книги.

Часть 4. Осознанность

Алексей Фирсов

Стержень, вокруг которого вертится эта работа, сводится к тому, что подлинное управление всегда остается анонимным, как и подлинное подчинение – неосознанным. Настоящая диктатура проявляется в ситуации, когда наше жизненное пространство определяют структуры языка или цели, которые мы не отличаем от самих себя. Напротив, управление в форме приказа или требования, независимо от жесткости указания, всегда будет не дотягивать до своей полноты, срывать, как срывается иногда на хрип офицер, чувствуя, что при всем объеме полномочий, даже возможности применить табельное оружие, энергия его команды безнадежно проседает.

Человек всегда будет видеть зазор между собой и источником внешней команды, находить здесь пространство маневра. И в этом зазоре реализует возможность свободного решения. Управляет тот, кто обладает возможностью задавать язык и структуру так называемой «картины мира». (Поэтому, как мы будем говорить дальше, одна из стратегий освобождения – избавиться от концептуализации действительности, видеть мир не в образе

жесткой объективной структуры, а через феномены сознания). Однако как пишется эта картина? Разумеется, нет никакого чистого интеллекта, которое набрасывает чертеж. Сам художник намертво связан со своей работой общим мифом. Картину создает язык ее описания. Он же создает и автора. Поэтому, если использовать банальное сравнение, посаженный на цепь невольник неотличим здесь от свободного гражданина, поскольку образ мыслей обоих определяется внутренним кодом этого языка.

Что противостоит анонимности управления? На первом уровне – осознанность. Осознанность – разложение комплексных систем, слипшихся принятий, палипообразных ассоциаций на простые сущности. Возьмем ближайший пример, ситуацию большого спорта, Олимпийские игры. Как формируется и как управляется массовый интерес к этому виду состязаний? Через символические комбинации языка. Здесь действует несколько уровней символизации. Первое – предполагается, что атлетические или иные движения небольшой группы лиц как-то связаны с национальным престижем. Например, если какой-то спортсмен прыгнул выше или дальше другого, то в этом действии отражаются важные черты национального портрета.

За счет этой операции происходит отождествление большого количества зрителей, из которых большинство ведет нездоровый и пассивный образ жизни, с национальной сборной. Они символически включают себя в контур команды. Однако «национальная сборная» – комплексное понятие, в котором первая часть обладает гораздо более значимой смысловой нагрузкой, чем вторая, и вытесняет ее. На месте конкретного объекта (собрания конкретных людей, прилетевших в условную точку, чтобы бегать или прыгать в ней) появляется миф, выраженный понятием национального. А затем происходит очередная операция замещения смысла – расплывчатое и туманное «национальное» подменяет кристаллическое «государство». Зритель оказывается внутри этого кристалла.

По мере движения через эти переходы разделение между командами превращается в оппозицию «свои-чужие». Отсюда вырастают характерные речевые конструкции: «мы их сделали», «мы еще

покажем», «нас обманывают» и так далее. Зритель становится соучастником глобального процесса. Через конфликт своего и чужого происходит сублимация накопленных комплексов, их освобождение. Наблюдатель испытывает сложную гамму чувств, от торжества до позора, становится соучастником события.

Миф спорта приводит во внутреннее движение совершенно неподвижное тело, застывшее в созерцании. Фактически это инструмент вывода человека из состояния его бытовой повседневности в область мобилизации и готовности, но к чему? Ни человек повседневности, ни те, кто ведет эту игру, этого не знают. Появляется чувство встревоженности, стойки, напряженного всматривания, ранимости – уже не индивидуальное, но охватывающее огромные социальные массивы. Тот, кто научился вызывать эту энергию, может научиться ее управлять, хотя и сам играет в ту же игру со смыслами.

Осознанность позволяет выйти из потока этих бесконечных смысловых переходов. По своей сути она есть остановка, возможность относительного вычленения себя из контекста. Попробуйте встретить такую осознанность в потоке своей повседневности. Например, когда в болезненном состоянии идете на работу в частную компанию, чтобы «выполнить обязательства». Что вами движет, куда и на что вы отдаете свою энергию. Когда совершаете дорогую покупку – что и зачем вы символизируете этим действием. Когда смотрите спортивный матч. И так далее. Осознанность не отменяет этих поступков. Но она ставит субъекта в позицию внешнего наблюдателя по отношению к самому себе. И за счет этого открывает новый угол зрения.

Алексей Фирсов, руководитель Центра социального проектирования «Платформа»

[Часть 1. Сознание в сетке целей](#)

[Часть 2. Девальвация элит](#)

[Часть 3. Технократия и ее ограничения](#)

Источник: [«Актуальные комментарии»](#)